

НЕДЕЛЮ назад в Одессе открылись сразу четыре вернисажа. Сам по себе факт неординарный. А если учесть, что три из них носят явно выраженный авангардистский характер... Впрочем, этот термин становится все более расплывчатым. Не станем же мы в самом деле утверждать, что все работы, с которыми одеситы познакомились в эти дни, «идут впереди». Удачнее, на наш взгляд, употребить здесь определение «современный».

Итак, современное искусство одесских художников. Это тема отдельного серьезного разговора. Тем более, что при всем обилии имен (и что удивляет, — среди них немало новых) на этих выставках нет работ некоторых интереснейших мастеров, как раз и закладывавших в нашем городе традиции современного искусства. Но вот один из таких живописцев представлен сполна, или, скажем, в достаточной мере.

Картины Люсьена Дульфана есть на выставке ТОХА, в залах на улице Ласточкина, в экспозиции музея личных коллекций. А в Художественном музее экспонируется его персональная выставка, организованная в помощь Фонду милосердия имени доктора Гааза.

Рецензируются ли благотворительные выставки или концерты? Обычно нет. Обычно ограничиваются репортажами или отчетами с них. Но Л. Дульфана явно не устроила бы такая позиция пишущего о нем.

ПРЕЖДЕ всего поблагодарим художника за его стремление помочь людям, обделенным жизненными благами, теплом и вниманием. А затем отметим необычную активность Дульфана в последнее время, его стремление показывать свои работы везде и всем. Это ведь тоже проявление отношения к процессам, происходящим в стране. Как бы кто ни относился к работам Дульфана, к его стилю общения с публикой и коллегами, следует признать, что сегодня он активно, сознательно и щедро демонстрирует свою жизненную позицию. Он неустанно подчеркивает: ему интересно работать, работа идет, есть желание, необходимость поделиться с самым широким зрителем своими мыслями, чувствами, пристрастиями и антипатиями.

И это особенно явственно ощущается в залах Художественного музея. Быть может, сама ситуация — выставка в Фонд милосердия — прямо или опосредованно повлияла на отбор работ, но, на наш взгляд, это наиболее серьезная и продуманная экспозиция произведений Дульфана за последние годы.

У тех, кто не знаком с его творческой биографией, на этой выставке может сложиться впечатление, что Дульфан — мастер трагической, фило-

софской темы, которому чужды праздничный, шуточный, бытовой пласты. Конечно же, это не совсем так. Дульфан бывает и парадный, и романтический, и литературный, и «одесский», и салонный...

Но сегодня Дульфан хочет, чтобы мы увидели его гражданином, размышляющим над вечными и вместе с тем такими злободневными проблемами, как борьба добра и зла, художник и толпа, верность и измена, скорбь по уходящему, национальные туннели и тупи-

три: «Кариатиды», «Бесы», «Эмиграция».

Ни у одной из кариатид нет лица. Оно либо лишь намечено, либо укрыто под слоем бинтов. Что же — они не хотят смотреть на то, что поддерживают, на то, что рушится? Или уже не могут? Вероятно, у художника есть и третий, и четвертый ответы на этот вопрос. Здесь применен отнюдь не новый прием — использование одного и того же персонажа в различных обстоятельствах, что не снижает нап-

мастерскими и стоим перед закрытой дверью.

Бесы. От этих холстов веет противоборством, дискомфортом. Их отрицательная эманация, словно холодный ветер, осушает лица поклонников много — романтического и доброго Дульфана. Если раньше Дульфан органично вписывался в любую толпу (оставаясь, впрочем, ярким пятном в ней), то сегодня он, по меткому выражению одного из искусствоведов, выясняет с ней отношения. Я бы сказал, конфликтует с ней.

Дюк — парфраз с юношескими полотнами художника, принесшими ему грамоту ЦК ВЛКСМ. Тот Дюк был устойчив, украшен цветными ленточками и стоял, как мне помнится, на фоне фейерверка. Нынешний Дюк накренился. Уже не ощущает ли художник и свою вину в том, что бронзовый градоначальник, символ Одессы, пошатнулся и балансирует, как говорится, на точке!..

Из «Бесов» — в «Эмиграцию». Туда — и обратно. Такой путь могут проделать персонажи этих серий. И мы не заметим подмены. И тут, и там неуютно, тревожно, коонец пути неясен. На выставке, осененной идеей милосердия, тема эмиграции не случайна. Безвременье. Герои без пола, без нации, без лиц, без будущего. Или с другим будущим? Вот пронесли высоко над головой то ли Дюка, то ли императора Августа, то ли чье-то дедушку, укутанного в саван...

Несколько лет назад в одной из одесских компаний была рассказана история о человеке, который каждое утро приходил на старое кладбище и писал на памятниках: «Не трогать! Посещают!» Кто-то собирался написать об этом рассказ, но не сделал этого. А вот Дульфан написал об этом — картину, которая трогает за душу любого, кто хотя бы раз побывал на таком погосте — мусульманском, христианском, иудейском.

И ВСЕ ЖЕ я узнал на этой выставке старого, вернее, молодого Дульфана. По-прежнему его жадно интересует, что и как говорят о нем. И маститый искусствовед, и коллеги, и соседи, и девушки, забредшие ненароком в музей. Он ничего не забывает — ничего из сказанного или написанного о нем. Свидетельство тому — картина-коллаж, где на афишной тумбе наклеены фрагменты рецензий, посвященных Дульфану в разное время.

С любопытством прочел, что же писали о художнике. И надеюсь, что на следующей выставке он приклеит к нарисованной тумбе фрагмент и этой статьи, хотя, зная Дульфана, уверен что он поступит как раз наоборот.

Ф. КОХРИХТ.

www.ofam.od.ua Дюк накренился?

Заметки с выставки произведений Л. Дульфана

ки. И мы видим его таким, ибо за творческой заявкой стоят не слова, а картины — десятки холстов, созданных за последнее время. Весомый аргумент в пользу искренности и серьезности намерений художника.

Б УДУЧИ по природе своей экстравертом — человеком, щедро выплескивающим наружу свои чувства, Л. Дульфан реализует их в сериях работ, в то время как его антипод интраверт (человек, заглядывающий в себя) — пошел бы по пути разработки темы вглубь на базе одного-двух холстов. Что ж, у каждого свой путь.

На выставке таких серий

раженности, экспрессивности, характерных для этой, казалось бы, самой статичной серии Дульфана. Античные женщины, приспособленные под подпорки для одесских балконов, болванчики в покрывалах? Нет — живые, страдающие, мучающие себя и других существа.

«Бесы». Удивительна все же изменчивость, многоликость Дульфана. Помню его, настуже распахивающего двери своей мастерской, свои холсты перед каждым, кто проявлял интерес к его искусству. Он охотно выплескивал на картинах свой образ жизни, показывал то, что любил, — свою семью, друзей, Одессу.

Сегодня мы словно ошиблись

Знамя Ком. м. - 1989 - 11